

Тени на полях

Арина Вейс

Арина Вейс

Тени на полях

<https://litres.ru/74674959>

SelfPub; 2026

Аннотация

В городе, где тени помнят больше людей, Лея учится видеть то, что спрятано. Старые бумаги шепчут, планы хранят пометки, а межевой камень может разорвать границу между временами. Она почти успевает всё исправить.

Но папка с её именем и записка без подписи говорят ясно: самое тихое место – архив – ещё не всё рассказало.

Содержание

Часть 1. Холод на полях	4
Часть 2. Ночь, когда тени заговорили	8
Часть 3. Утро, которое не хотело наступать	12
Часть 4. Архив и чужие следы	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Арина Вейс

Тени на полях

Часть 1. Холод на полях

Лея провела пальцем по краю пожелтевшего листа – и вздрогнула. От бумаги тянуло холодом, будто она только что вернулась с мороза, а не лежала в сухом архивном ящике. На полях письма – небрежный, но точный рисунок: окно с решёткой. Лея подняла глаза. Прямо напротив её стола – точно такое же окно читального зала. Решётка на стекле повторяла линии на бумаге до миллиметра.

Она нахмурилась. Лея привыкла доверять фактам: датам, подписям, чернильным пометкам на полях – всему, что можно зафиксировать и проверить. Люди были куда менее надёжны. Особенно те, кто появлялся из ниоткуда.

– Странная штука, да? – голос прозвучал над самым ухом. Лея резко обернулась. У стеллажа стоял мужчина – высокий, в тёмном пальто, будто только что вошёл с улицы, хотя двери библиотеки не хлопали.

– Вы как сюда подошли? – Лея прижала письмо к себе, будто оно могло защитить. – Я не слышала шагов.

– Тут половицы не скрипят, – спокойно ответил он. – Кирилл. Историк. Работаю с фондом усадьбы.

Он не протянул руку, не сделал шага вперёд. Просто стоял и смотрел – не на неё, а на письмо, будто сквозь неё.

– Откуда вы знаете, что я взялась за этот фонд? – Лея старалась говорить ровно, но в голосе всё равно проскользнула насторожённость. – И не надо про библиотекаря. Она никому не выдаёт списки текущих заказов.

Кирилл чуть приподнял бровь.

– Значит, вы из тех, кто сначала проверяет источники, – уголки его губ дрогнули, но улыбка не стала теплее. – Это хорошо. В этом фонде без скепсиса нельзя.

Лея не ответила. Она снова посмотрела на рисунок. Тень от решётки на столе дрогнула – на миг будто сдвинулась, удлинилась, а потом вернулась на место. Но самое странное было не в этом. Пока она смотрела, одна из линий на рисунке... поплыла. Тонкий штрих, проведённый чернилами, будто растёкся, а затем собрался обратно, как капля воды, стекающая по стеклу.

Лея моргнула. Когда открыла глаза, линия лежала ровно, как и должна.

«Это просто усталость, – сказала она себе. – Или свет падает иначе». Но холод от бумаги не уходил.

– Это окно, – тихо сказал Кирилл, не сводя глаз с рисунка, – было в доме на углу Садовой и Литейной. Дом снесли в тридцать втором. Но рисунок... он появляется в письмах из этого фонда уже третий раз за сто лет. И каждый раз – у того, кто его видит, начинаются странности.

– Какие ещё странности? – Лея скрестила руки, пытаясь удержать тепло. Ей не нравилось, как уверенно он говорил, будто знал не просто факты, а её собственные ощущения.

– Тени ходят не туда. Холод там, где тепло. И ощущение, что за вами кто-то наблюдает. – Кирилл наконец посмотрел на неё. – Вы ведь это чувствуете, правда?

Лея хотела сказать «нет». Хотела сказать, что это просто старая бумага, сырость в подвале архива и игра света. Но слова застряли в горле. Вместо этого она кивнула – коротко, почти незаметно.

– Тогда не работайте с этим одна, – сказал он просто. – Я знаю этот фонд. И знаю, как он... цепляется.

Лея крепче сжала письмо. Холод пробрался под кожу, и ей вдруг стало зябко даже в тёплом читальном зале. Она хотела сказать «нет», хотела остаться одна со своей работой и своими странностями. Но ещё больше она хотела понять, что происходит – и если для этого придётся принять помощь от человека, который знает слишком много, пусть будет так.

– Хорошо, – выдохнула она. – Но сначала покажите мне документы. Что-то, где это описано официально. Не легенды, не слухи – бумаги.

Кирилл чуть улыбнулся – не радостно, а будто с облегчением.

– Есть опись фонда за 1928 год. Там есть пометка карандашом на полях: «Окно. Повторяется. Осторожно». Это вас устроит?

Лея кивнула. Это было хоть что-то. Документ. Факт.

– Начнём с этого, – сказала она. – И ещё... если вы снова подкрадётесь незаметно – я закричу.

На этот раз его улыбка стала чуть живее.

– Договорились. Буду нарочно наступать на все скрипучие доски.

Лея снова посмотрела на тень. Та лежала ровно, неподвижно. Но Лея знала: это ненадолго. И ещё она знала, что теперь ей придётся верить не только бумаге – но и человеку, который слишком много о ней знает. А это было куда страшнее любого холода.

Часть 2. Ночь, когда тени заговорили

Часы в читальном зале показывали 21:47, но Лея даже не пыталась смотреть на время. Она снова и снова раскладывала письма на столе – не по датам, не по почеркам, а по расположению рисунков. Окно с решёткой встречалось в трёх письмах, и каждый раз оно было нарисовано чуть иначе: где-то толще линии, где-то смещён угол. Но все три рисунка будто складывались в один, если наложить их друг на друга.

Она достала из сумки лупу и блокнот, привычно потянулась за ручкой – и замерла. На полях одного из писем, там, где раньше была только тонкая карандашная пометка библиотекаря, теперь виднелась ещё одна строчка. Чёткий, аккуратный почерк, будто кто-то аккуратно дописал её поверх старой записи.

«Не зови его по имени в пустой комнате».

Лея моргнула. Потом ещё раз. Она точно помнила, что этой фразы не было. Она всегда фиксировала любые пометки – это её метод, её опора. А теперь... теперь бумага будто сама решала, что ей показывать.

В зале стало тише. Не просто тише – будто весь город за стенами библиотеки затаил дыхание. Лея оглянулась. Никого. Только ряды стеллажей, тяжёлые шторы и её собственный

стол, залитый жёлтым светом настольной лампы.

Она сжала пальцы в кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Боль – это хорошо. Боль была настоящей. Значит, она не сошла с ума. Значит, нужно держаться за факты.

– Это просто окисление чернил, – прошептала Лея, будто пытаясь убедить саму себя. – Или наслоение текста. Бывает. В старых документах такое встречается.

Но стоило ей произнести это вслух, как тень от лампы на столе дрогнула. Не от движения воздуха, не от сквозняка – просто взяла и сдвинулась, будто кто-то прошёл мимо и на секунду заслони́л свет. Только рядом никого не было.

Лея резко втянула воздух.

И тогда она услышала шёпот.

Сначала это был просто шум – как шорох страниц, как скрип старого дерева. Но потом из этого шума начали складываться слова. Не громкие, не обращённые к ней напрямую, а будто проговариваемые где-то совсем рядом, за тонкой стенкой, сквозь которую не видно лиц.

– «...не трогай камень...»

– «...тени знают...»

– «...она видит...»

Лея схватила стопку писем и прижала к груди. Бумага снова стала ледяной.

– Хватит, – сказала она уже громче. – Прекратите.

Шёпот стих. Но тишина, наступившая следом, была хуже. Она звенела в ушах, давила на виски, заставляла чувствовать себя крошечной посреди огромного, слишком внимательно-го пространства.

Лея посмотрела на телефон. Можно было позвонить. Но кому? И что сказать: «Мне кажется, библиотека шепчет»? Её либо сочтут сумасшедшей, либо предложат горячий чай и совет выпастся.

Вместо этого она открыла блокнот и начала записывать. Всё подряд: время, температуру в зале (ей казалось, что стало холоднее), расположение теней, странную надпись на полях. Каждый факт, каждая деталь – как кирпичик стены между ней и тем, что она не могла объяснить.

Когда она добралась до описания шёпота, рука дрогнула, и ручка оставила на бумаге длинную чёрную полосу. Лея выругалась сквозь зубы и потянулась за ластиком.

А когда подняла глаза, увидела, что рисунок окна на верхнем письме... изменился.

Одна из линий, которая раньше шла ровно по диагонали, теперь изгибалась, словно повторяя форму трещины на стекле в другом конце зала. Лея встала так резко, что стул с грохотом отъехал назад. Она подошла к окну, подняла голову – и действительно увидела тонкую, едва заметную трещину, повторяющую изгиб линии на рисунке.

– Этого не может быть, – прошептала она. – Это просто совпадение. Просто...

Но слово «совпадение» застряло у неё в горле, потому что в этот момент лампа над столом мигнула. Один раз. Потом второй. И на долю секунды, пока комната была погружена в темноту, Лея увидела другую тень.

Не свою. Не от лампы. Большую, вытянутую, будто от фигуры, стоящей прямо за её спиной.

Когда свет вернулся, тени снова были обычными. Только её. Только от лампы.

Лея попятилась к столу, схватила сумку и начала торопливо складывать письма. Она не будет ждать, пока что-то ещё изменится. Завтра она пойдёт в архив, найдёт ту самую опись 1928 года, увидит эту пометку «Окно. Повторяется. Осторожно» своими глазами – и только тогда решит, стоит ли верить Кириллу.

Потому что сейчас ей было страшно. Не от теней, не от шёпота – а от того, что впервые в жизни факты, на которые она привыкла опираться, начали рассыпаться прямо у неё в руках.

Часть 3. Утро, которое не хотело наступать

Лея очнулась не от будильника – от тишины. Такой плотной, будто её завернули в вату. На столе всё ещё лежала раскрытая стопка писем, лупа, блокнот с корявыми записями. Ручка валялась на боку, оставив на странице длинную чёрную полосу. Лея моргнула, пытаясь собрать мысли в кучу.

Часы показывали 05:17. Она не помнила, как уснула. Скорее всего, просто обессилела, уронив голову на скрещённые руки, и провалилась в тяжёлую, вязкую темноту. А вот сны... сны она помнила слишком хорошо.

Ей снилось, что библиотека не закрывалась. Залы тянулись дальше, чем могли вместить стены здания, переходили в коридоры старого дома с облупившейся краской. Она шла по ним, и тень от решётки на окне всегда бежала чуть впереди, будто показывала дорогу. А потом тень остановилась и обернулась. У неё не было лица – только размытый контур, как от слишком резкого движения. И из этого контура доносился тот самый шёпот, теперь уже разборчивый: *«Не зови его по имени в пустой комнате»*.

Лея резко села, сжимая край стола пальцами, чтобы почувствовать твёрдость дерева. Сон. Просто сон. Но когда она потянулась к письмам, рука замерла. На верхнем листе, пря-

мо под рисунком окна, снова виднелась та самая карандашная пометка – аккуратная, будто сделанная чьей-то чужой рукой. *«Не зови его по имени в пустой комнате».*

– Этого не может быть, – прошептала Лея, и тут же осеклась, вспомнив предупреждение из сна. Она нервно оглянулась, будто кто-то мог стоять за стеллажом и слушать.

В зале было пусто. Только утренний свет, бледный и равнодушный, пробирался сквозь окна, делая тени плоскими и обычными. Никаких сдвигов, никаких изгибов. Просто решётка на стекле и её отражение на полу.

Лея встала, потянулась, чувствуя, как затекли плечи. Ей отчаянно нужен был кофе. И нормальный свет. И что-то, что можно потрогать и назвать «реальным».

Она вышла в коридор, где пахло пылью и старым деревом. В буфете на первом этаже уже гремели чашками, пахло свежей выпечкой – обычный, земной запах, который Лея сейчас ценила больше любого научного факта. Она взяла двойной эспрессо и круассан, села у окна и уставилась на улицу. Мимо шли люди: кто-то спешил, кто-то зевал, кто-то разговаривал по телефону. Обычная жизнь. Без шёпота, без плывущих линий.

Пока она пила кофе, пальцы сами собой выводили в блокноте короткие фразы: *«05:17 – проснулась. Сон: коридоры, тень без лица. Пометка на письме: та же. Температура в зале: ~18°C. Тени: обычные».* Каждый пункт был как якорь. Если записать – значит, это можно изучить. Значит, это не

безумие, а явление, требующее классификации.

Когда чашка опустела, Лея глубоко вдохнула и достала телефон. Она не собиралась звонить никому с жалобами на шепчущие архивы. Но она могла проверить факты.

Она набрала в поиске: «*Дом на углу Садовой и Литейной, снос 1932 год*». Выпало несколько ссылок на краеведческие сайты, пара старых фотографий. На одной – дом с высоким окном и характерной решёткой. Лея увеличила снимок. Да, это оно. Тот самый рисунок.

Дальше она нашла упоминание об описи фонда 1928 года в электронном каталоге библиотеки. Строка была сухой и официальной: «*Фонд № 142, опись 3, ед. хр. 17. Заметки по фонду усадьбы. Карандашные пометки библиотекаря*». Никаких мистических предупреждений – просто сухая номенклатура. Но для Леи это было важнее любого шёпота. Это было доказательство: фонд действительно существовал, о нём действительно делали заметки.

Значит, Кирилл не выдумал эту историю. По крайней мере, не полностью.

Телефон тихо пискнул – пришло уведомление о времени открытия архива. Лея закрыла браузер, сунула блокнот в сумку и встала. Кофе придал сил, а найденные факты – решимости.

Сегодня она пойдёт в архив. Увидит ту самую опись своими глазами. Прочитает пометку на полях. И только после этого решит, стоит ли снова разговаривать с Кириллом.

Пусть он знает много – но теперь и у неё будет свой набор доказательств.

Часть 4. Архив и чужие следы

Архив располагался в дальнем крыле библиотеки – в помещении, которое будто специально прятали от глаз: низкие потолки, узкие коридоры, запах старой бумаги и воска. Лея остановилась перед тяжёлой дверью, глубоко вдохнула и толкнула её.

Внутри было тихо, но не пусто. За массивным столом у окна сидел архивариус – пожилой мужчина с внимательными глазами и седыми висками, похожими на два аккуратных крыла. Он поднял голову, улыбнулся без спешки, будто время здесь текло иначе.

– Доброе утро, – сказал он мягко. – Вы по заявке на фонд № 142?

Лея кивнула, стараясь не выдать, как сильно у неё дрожат пальцы.

– Да. Опись 1928 года, единица хранения 17.

Архивариус чуть нахмурился, провёл пальцем по потрёпанной карточке в папке.

– Странно... – пробормотал он, будто разговаривая сам с собой. – Эту опись уже спрашивали. Совсем недавно. И до этого – пару раз за месяц. Нечасто такое бывает. Обычно фонды годами лежат без внимания, а тут... – он снова поднял глаза на Лею. – Простите, не могу вспомнить, кто именно интересовался. Лица сливаются, а вот запросы запоминаю.

И этот – запомнился. Слишком уж специфический.

Лея постаралась сохранить спокойный вид, хотя внутри всё сжалось.

– А в самой описи есть что-то необычное? – спросила она как можно будничнее. – Пометки, выделения?

– Карандашная заметка на полях, – кивнул архивариус. – Короткая. Я её помню, потому что почерк был чужой. Не наш, библиотечный. Будто кто-то дописал позже. «Окно. Повторяется. Осторожно». Вы это ищете?

Лея почувствовала, как по спине пробежал холодок – не тот, мистический, а обычный, человеческий: страх и облегчение одновременно. Значит, это не выдумка Кирилла. Значит, кто-то действительно фиксировал странности. И кто-то ещё недавно искал те же следы.

– Да, – выдохнула она. – Именно это.

Архивариус аккуратно достал папку, положил её на стол для чтения и отошёл, давая Лее пространство.

– Не торопитесь, – сказал он тихо. – Старые бумаги не любят суеты.

Лея села, открыла папку. Страницы были пожелтевшими, но чёткими. Она быстро нашла нужную пометку – ту самую, карандашом, чуть смазанную, будто её пытались стереть и потом дописали заново. *«Окно. Повторяется. Осторожно».*

Она провела пальцем по буквам, не касаясь бумаги – как будто боялась, что прикосновение снова запустит цепочку странностей. Но ничего не происходило. Только запах пыли,

тихий скрип стула архивариуса да равномерное тиканье часов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.